

УДК 32.019.5

DOI: 10.34670/AR.2026.57.99.002

Функция дегуманизации в политических мифах**Потанин Станислав Сергеевич**

Аспирант,
Воронежский филиал,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
394005, Российская Федерация, Воронеж, Московский просп., 143;
e-mail: potaninstanislavsergeevich@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется роль дегуманизации как механизма политических мифов. Автор предлагает интерпретативную модель, связывающую идеологию, политический миф и практики дегуманизации в единую систему легитимации насилия. На примерах параноидальной атмосферы различных политических культур продемонстрировано, как идеология задаёт когнитивную карту мира, миф конкретизирует её через нарратив, а дегуманизация обеспечивает «моральную анестезию», необходимую для перехода от символического противостояния к институциональному насилию. Работа обосновывает актуальность изучения данных механизмов в условиях современных цифровых медиа как инструмента раннего предупреждения эскалации межгрупповых конфликтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Потанин С.С. Функция дегуманизации в политических мифах // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 3А. С. 17-22. DOI: 10.34670/AR.2026.57.99.002

Ключевые слова

Политический миф, дегуманизация, идеология, политическое насилие, пропаганда.

Введение

Дегуманизирующий нарратив всегда сопровождает политическое насилие. Он находит выражение в разных элементах политического дискурса: карикатурах, телепередачах, памфлетах, мемах, речах политиков и т.д. Существуют различные объяснения причин политического насилия: от прагматичных до экзистенциальных. Функция дегуманизации же сводится к онтологическому исключению определённой социальной группы из категории «люди», тем самым оправдывая любые действия по отношению к этой группе.

Дегуманизирующий нарратив представляет собой специфический политический миф, функционирующий в рамках определённой идеологии. Идеологии, выполняя функции когнитивных карт, структурируют восприятие мира: какой он есть и каким должен быть, кто является другом, а кто врагом; придают реальности смысл, связность и ясность [Flood, 2002, 19; Zmigrod 2025, 63; Pyszczynski, Wagoner, 2025].

Политический миф — это динамичный идеологически окрашенный нарратив о прошлом, настоящем или будущем, воспринимаемый определённой аудиторией в определённых условиях; мифотворчество является нормальной и устойчивой частью политической жизни, тесно связанной с конкурирующими наборами убеждений о социальном устройстве и о том, каким оно должно быть [Flood, 2002, 21].

В моменты социальных кризисов — революций или войн — дегуманизирующие политические мифы актуализируются, предлагая упрощённые, но ясные объяснения сложных процессов, в том числе указывая на того, кто выставляется виновным в кризисе. В такие моменты мифы представляют потенциальную или непосредственную угрозу для тех, против кого они направлены. Дегуманизирующие политические нарративы ставят на социальных группах клеймо экзистенциального врага, что переводит конфликт в стадию борьбы за выживание и легитимирует институциональное насилие [Биберштайн, 2010, 13].

Политический миф выполняет инструментальную задачу: он облекает идеологию в форму истории, насыщенной символами и эмоциональными образами. Благодаря мифу идеология становится более убедительной и доступной массовому восприятию. К примеру, идеологическая потребность объяснить поражение Германии в Первой мировой войне реализуется через миф об «ударе ножом в спину» [Vascik, 2016, 4], а установка на борьбу с СССР в период холодной войны опиралась на миф о «красной угрозе» [Haynes, 1996, 163]. В обоих случаях миф делает идеологические послания яркими, лаконичными и мобилизующими.

Смысловая предпосылка большинства идеологий состоит в представлении жизни как перманентного противостояния между группами: нациями, классами, гендерами, расами, религиями и т.д. Политические мифы выступают ключевым инструментом формирования групповой идентичности [Flood, 2002, 20]. Они задают общую систему символов, что позволяет индивидам идентифицировать себя с конкретной общностью (ингруппой), а носителей другого символического набора воспринимать как других, чужаков (аутгруппу), что создает фундамент для последующей дегуманизации оппонента. В условиях (реального или субъективно воспринимаемого) дефицита ресурсов, борьба приобретает экзистенциальный характер, что ведет к легитимации любых методов достижения победы [Zmigrod, 2025, 68].

В этой области социального взаимодействия исследования психолога Дэвида Дестено подтверждают, что групповая принадлежность детерминирует моральные ориентиры: ингрупповая лояльность смягчает моральные требования по отношению к членам «своей» группы и, наоборот, ужесточает их по отношению к членам аутгруппы. В силу этого членство в

группе повышает психологическую готовность оправдывать нарушения моральных норм ради выгоды группы [Why Do Fans Excuse the Patriots' Cheating Past?, www]. Так, в период Второй мировой войны, более половины жертв составляли гражданские (нонкомбатанты), намеренно уничтоженные странами «оси», вследствие произвольного наделения целых народов статусом «врага» [Gellately, Kiernan, 2003].

Основная часть

Дегуманизация — ключевой механизм, с помощью которого предвзятость по отношению к чужакам трансформируется в культурно санкционированную агрессию. Представление о «недочеловеческой» природе аутгруппы позволяет преодолеть нежелание применять насилие: лишение объекта человеческого статуса снимает моральный запрет на убийство [Smith, 2012, 71]. Механизмы ингруппового фаворитизма и аутгрупповой предвзятости, лежащие в основе этого процесса, получили широкое экспериментальное подтверждение в различных научных областях [Sapolsky, 2017, 387; Tajfel, Turner, 1979; Haslam, 2006].

В исторической практике дегуманизация аутгруппы неизбежно предшествует применению к ней организованного насилия [Smith, 2012, 13]. Так, в идеологии национал-социализма жертвы маркировались как «Untermenschen» (недолюди), что позволяло исключать из этических систем, регулирующих отношения между людьми. Если убийство человека табуировано культурой и правом, то устранение нечеловеческого объекта выводится за рамки морального регулирования и легитимируется.

Процесс конструирования «образа врага» и его встраивания в идеологический дискурс ненависти, осуществляется благодаря «языку вражды». Исторические примеры массового насилия показывают, что физическое уничтожение всегда сопровождается пейоративными обозначениями угнетаемой группы, приписыванием ей конспирологических намерений по захвату власти или причинению вреда доминирующей общности [Образ врага. Большая российская энциклопедия, www].

Дегуманизирующие образы, такие как «крысы» или «паразиты» в нацистской пропаганде, выражают целые нарративы. Эти символы позволяют быстро и эффективно передать аудитории идеологическое сообщение в форме мифа: кто является врагом, в чём заключается экзистенциальная угроза с его стороны, и почему его устранение необходимо.

Важно подчеркнуть, что процесс дегуманизации является не только следствием политической идеологии «сверху», но и практика повседневного взаимодействия «снизу», благодаря чему этот процесс укореняется в социальной реальности. Политические субъекты интериоризируют (усваивают) символы, встроенные в мифологические нарративы, и начинают интерпретировать представителей аутгруппы через эти категории. В конечном итоге политические мифы закрепляются в социальной ткани как самоочевидные схемы восприятия «другого» как экзистенциальной угрозы.

Артефакты политического дискурса — плакаты, тексты, радиопередачи — способствуют распространению идеологических нарративов и закреплению их в массовом сознании. При этом, несмотря на аналогичные механизмы воспроизведения, дегуманизация всегда укоренена в политическом и историческом контексте, т.е. форма адаптируется под конкретные идеологические задачи.

Политическая культура в нацистской Германии или в США в первые годы Холодной войны носила параноидальный характер, что является необходимым условием для распространения

дегуманизирующих политических мифов. Кризисные политические контексты удобнее рассматривать, поскольку они являются наиболее яркими примерами.

Параноидальный стиль в политике (согласно терминологии Ричарда Хофштадтера) выражается в конспирологическом мирозерцании, когда социальные конфликты интерпретируются через призму заговора; политический параноик верит, что заговор существует против его культуры, нации, образа жизни, то есть, не только против него лично, но против его группы [Hofstadter, 2020, 504]. В политическом дискурсе США во время Холодной войны на первый план выходит «миф о красной угрозе», где враг одновременно демонизирован и механистичен - бездушная масса, движимая злой волей. СССР изображается в комиксах, речах, плакатах [Look behind the mask! Communism is death, www], кинематографе как зловещая сила, угрожающая свободе и демократии во всём мире.

Схожим образом нацисты изображали евреев как враждебную по духу силу, организующую заговор по захвату мира и препятствующую достижению процветания арийской расе. И только массовое истребление рассматривалось как единственная возможность спасения от дьявольского плана мирового господства. Отрицалась индивидуальность группы, она гомогенизировалась [Smith, 2012, 92].

Важно отметить, что хотя политические мифы, поддерживающие идеологический дискурс, возникают в конкретном контексте и с конкретной задачей, они не остаются статичными элементами прошлого, а продолжают своё существование, встраиваясь в новые контексты.

В ситуации политической вражды дегуманизация является не побочным эффектом политического процесса, но структурообразующим элементом политического нарратива. Дегуманизирующие образы позволяют политическому мифу выполнять функции усиления реляционной бинарной системы «свой - чужой» и морального оправдания применения насилия к «другому».

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, артефакты политического дискурса являются не просто второстепенными элементами политических идей, но инструментом их институционализации. Они переводят идеологические абстракции в наглядные образы, способствуя закреплению политического мифа в качестве «когнитивной карты». Во-вторых, исследование позволяет выстроить единую интерпретативную модель, соединяющую теорию политического мифа, идеологический анализ и исследование дегуманизации. Идеология задаёт общую теоретическую рамку, мифы конкретизируют различные элементы идеологии в виде нарративов, а функция дегуманизации в мифах сводится к «моральной анестезии». Этот процесс позволяет легитимизировать насильственные практики путем включения их в мировоззренческий контекст социальной группы, что способствует переводу политического из теоретической плоскости в практическую — от символического образа к институционализации насилия. В-третьих, политический миф не просто статичный элемент прошлого. Дегуманизирующие мифы адаптируются под новые политические контексты. Отдельным пунктом следует отметить необходимость раннего предупреждения конфликтных настроений: в условиях современных медиа и поляризованных обществ дегуманизирующая риторика обретает новые формы. Изучение дегуманизирующих мифов не только способствует исследованию сущности прошлых конфликтов, но также позволяет разрабатывать инструментарий превентивной диагностики современных угроз.

Библиография

1. Образ врага. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/obraz-vraga-35a05d?v=7992048> (дата обращения: 20.10.2025)
2. Рогалла фон Биберштайн Й. Миф о заговоре философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.; Издательство им. Н.И. Новикова, 2010.
3. Flood, C. G. Political myth: a theoretical introduction. N.Y.; Routledge, 2002.
4. Gellately R., Kiernan B. The Study of Mass Murder and Genocide // The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective / Ed. by R.Gellately, B.Kiernan. N.Y., 2003.
5. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10. N 3. P. 252–264.
6. Haynes, J. E. Red Scare or Red Menace? American Communism and Anticommunism in the Cold War Era. Chicago.; Ivan R. Dee, 1996.
7. Hofstadter, R. Anti-Intellectualism in American Life, The Paranoid Style in American Politics, Uncollected Essays 1956-1965. New York.; Library of America, 2020.
8. Look behind the mask! Communism is death. URL: <https://www.loc.gov/pictures/item/2002709883/> (дата обращения: 19.10.2025)
9. Pyszczynski, T., Wagoner J. A. A terror management theory perspective on tribalism // The Tribal Mind and The Psychology of Collectivism / Ed. by J. P. Forgas. New York. 2025.
10. Sapolsky, R. Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst. New York.; Penguin Press, 2017.
11. Smith, D. L. Less than human: why we demean, enslave, and exterminate others. N.Y.; St. Martin's Griffin, 2012.
12. Tajfel H., Turner, J. C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA., 1979.
13. Vascik, G. S., Sadler M. R. The Stab-in-the-back Myth and the Fall of the Weimar Republic. L.; Bloomsbury Academic, 2016.
14. Why Do Fans Excuse the Patriots' Cheating Past? URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/05/sports/football/new-england-patriots-super-bowl-cheating.html> (дата обращения: 01.11.2025)
15. Zmigrod, L. The Ideological Brain: the radical science of flexible thinking. N.Y.; Henry Holt and Company, 2025..

The Function of Dehumanization in Political Myths

Stanislav S. Potanin

Postgraduate Student,
Voronezh Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
394005, 143, Moskovsky ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: potaninstanislavsergeevich@gmail.com

Abstract

The article examines the role of dehumanization as a mechanism of political myths. The author proposes an interpretive model linking ideology, political myth, and practices of dehumanization into a unified system of legitimizing violence. Using examples of the paranoid atmosphere of various political cultures, it is demonstrated how ideology provides a cognitive map of the world, myth concretizes it through narrative, and dehumanization provides the "moral anesthesia" necessary for the transition from symbolic confrontation to institutional violence. The work substantiates the relevance of studying these mechanisms in the context of modern digital media as a tool for early warning of the escalation of intergroup conflicts.

For citation

Potantin S.S. (2026) Funktsiya degumanizatsii v politicheskikh mifakh [The Function of Dehumanization in Political Myths]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (3A), pp. 17-22. DOI: 10.34670/AR.2026.57.99.002

Keywords

Political myth, dehumanization, ideology, political violence, propaganda.

References

1. Flood C. G. (2002) Political myth: a theoretical introduction. New York: Routledge.
2. Gellately R., Kiernan B. (2003) The Study of Mass Murder and Genocide. In: Gellately R., Kiernan B. (eds.) *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. New York: Cambridge University Press, pp. 3–26.
3. Haslam N. (2006) Dehumanization: An Integrative Review. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 3, pp. 252–264.
4. Haynes J. E. (1996) *Red Scare or Red Menace? American Communism and Anticommunism in the Cold War Era*. Chicago: Ivan R. Dee.
5. Hofstadter R. (2020) *Anti-Intellectualism in American Life, The Paranoid Style in American Politics, Uncollected Essays 1956-1965*. New York: Library of America.
6. Look behind the mask! Communism is death. Available at: <https://www.loc.gov/pictures/item/2002709883/> (Accessed: 19.10.2025).
7. Obraz vraga . Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/obraz-vraga-35a05d?v=7992048> (Accessed: 20.10.2025).
8. Pyszczynski T., Wagoner J. A. (2025) A terror management theory perspective on tribalism. In: Forgas J. P. (ed.) *The Tribal Mind and The Psychology of Collectivism*. New York: Routledge, pp. 12–35.
9. Rogalla von Bieberstein J. (2010) *Mif o zagovore filosofy, masonry, evrei, liberaly i sotsialisty v roli zagovorshchikov* [The Conspiracy Myth: Philosophers, Freemasons, Jews, Liberals and Socialists as Conspirators]. St. Petersburg: Izdatelstvo im. N.I. Novikova.
10. Sapolsky R. (2017) *Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst*. New York: Penguin Press.
11. Smith D. L. (2012) *Less than human: why we demean, enslave, and exterminate others*. New York: St. Martin's Griffin.
12. Tajfel H., Turner J. C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W. G., Worchel S. (eds.) *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, pp. 33–47.
13. Vascik G. S., Sadler M. R. (2016) *The Stab-in-the-back Myth and the Fall of the Weimar Republic*. London: Bloomsbury Academic.
14. Why Do Fans Excuse the Patriots' Cheating Past? (2017) *The New York Times*, 5 February. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/02/05/sports/football/new-england-patriots-super-bowl-cheating.html> (Accessed: 01.11.2025).
15. Zmigrod L. (2025) *The Ideological Brain: the radical science of flexible thinking*. New York: Henry Holt and Company.